

Научная статья

УДК 94(47)“1830/1855”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.13

Социально-экономическое положение населения 3-го Башкирского кантона (по материалам Государственного архива г. Шадринска)

Светлана Валерьевна Подкорытова

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия, gusewasw@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4537-7333>

Аннотация. В статье рассмотрены общие вопросы существования кантонной системы управления башкирским населением. Проанализированы отдельные материалы по социально-экономической истории 10-й и 11-й юрт 3-го Башкирского кантона, располагавшихся обособленно к северо-востоку от основной территории кантона. Период исследования — первая половина XIX в. Главными источниками исследования послужили документы Государственного архива г. Шадринска. Проанализированы система налогообложения, несение дорожной, подводной и иного рода повинностей, как постоянных, так и временных. Изучены особенности регулирования жизни населения со стороны командования Башкиро-мещеряцкого войска и кантонного управления. Показано развитие сельского хозяйства и скотоводства, переход к оседлому образу жизни, взаимодействие с русским населением по хозяйственным вопросам.

Ключевые слова: кантонная система управления, башкиры, мещеряки, Зауралье, Шадринский уезд.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов-партнеров ШГПУ и БГПУ им. М. Акмуллы в 2024 г. по теме «Тюркское население Шадринского уезда по материалам Государственного архива г. Шадринска» (№ 04.24.16-1Д от 02.05.2024).

Для цитирования: Подкорытова С. В. Социально-экономическое положение населения 3-го Башкирского кантона (по материалам Государственного архива г. Шадринска) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 202—217. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/13_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.13.

Original article

Socio-economic situation of the population of the third Bashkir canton (based on materials from the State Archives of Shadrinsk)

Svetlana V. Podkorytova

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, gusewasw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4537-7333>

Abstract. The article examines general issues of the cantonal system of governance of the Bashkir population. It analyzes the materials on the socio-economic history of the 10th and 11th yurts of the 3rd Bashkir canton, located northeast of the main territory of the canton. The main sources of the study are documents of the State Archive of the city of Shadrinsk. The article analyzes the taxation system, the public responsibility to build and repair roads, the obligation to provide carts for governmental needs and other permanent and temporary duties. The peculiarities of regulating the life of the population by the command of the Bashkir-Meshcheryak army and the cantonal administration are studied. The development of agriculture and cattle breeding, the transition to a sedentary lifestyle, and interaction with the Russian population on economic issues are shown.

Keywords: cantonal governance system, the Bashkirs, the Mescheryaks, Trans-Urals, Shadrinsk district.

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of research works on priority areas of activity of partner universities of SHSPU and BSPU named after M. Akmulla in 2024 on the topic “The Turkic

© Подкорытова С. В., 2025

population of Shadrinsky district based on the materials of the State Archive of Shadrinsk" (No. 04.24.16-1D dated May 2, 2024).

For citation: Podkorytova S. V. Socio-economic situation of the population of the third Bashkir canton (based on materials from the State Archives of Shadrinsk). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 202—217. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.13>.

Введение

Изучение истории тюркского населения Российской империи занимает значительный пласт в современной исторической науке. В первую очередь это относится к истории башкир и татар в рамках современных административных единиц (Татарстан, Башкортостан). Современное административное деление не совпадает с делением Российской империи, поэтому часть тюркского народа, находящаяся на окраинах ареала распространения, является менее изученной.

Национальные районы, расположенные на периферии мусульманских регионов, ранее практически не исследовались. Однако из-за своего особого местоположения и более тесных контактов с русским населением они представляют интерес для историков.

Кантонная система управления башкирами была введена в 1798 г. на территории Оренбургской и Пермской губерний. Тюркское население Шадринского уезда было выделено в самостоятельный 3-й Башкирский кантон. Его центр находился в с. Курманово Теченской волости Шадринского уезда Пермской губернии. В состав кантона входило 11 юрт. Количество деревень в юртах было разным: в третьей юрте — одна деревня Кунашакская, в пятой и шестой юртах — по семь деревень. По ревизским сказкам разных лет состав юрт варьируется.

Юрты 10, 11 находились в тесной связи с русским населением и располагались достаточно далеко от национального центра, что обусловило их самобытность [44].

Полную картину социально-экономического и политического развития в исторической ретроспективе дают обобщающие труды по истории башкирского народа [32; 33].

Одним из основных исследователей Башкиро-мещеряцкого войска и кантонной системы управления башкирами является А. З. Асфандияров. Под его руководством изучены вопросы о причинах введения этой системы, о ее влиянии на социально-экономическое развитие башкирского и мещеряцкого обществ, военные и налоговые повинности и другие аспекты истории данной проблемы. Исследователь отмечал прогрессивные результаты введения кантонной системы управления: изменения в ведении сельского хозяйства, отход от родовых традиций, национальную самоидентификацию, развитие образования и др. Именно в его работах 3-й Башкирский кантон не просто упоминается, а даются сведения о социально-экономическом положении местных жителей. Однако о жителях 10-й и 11-й юрт сведений крайне мало [1—3].

Общая характеристика судебной системы и законодательного регулирования земельных отношений, налогообложения для всех кантонов дана И. Р. Кунафиной [37]. Ряд работ о национальной идентификации, хозяйственной деятельности мещеряков и их роли в формировании Башкиро-мещеряцкого войска выпустил Р. Р. Кильмамамов [34—36].

В диссертационном исследовании Л. Ф. Сайфуллиной (Тагировой) рассматривается система управления кантонами и развитие национального чиновничества, в том числе и в 3-м Башкирском кантоне [42]. Результаты исследований автора были обобщены в двух монографиях. В них рассмотрено становление кантонной системы, полномочия и положение чиновничества, представлены сведения о составе и месторасположении кантонов, в том числе и 3-го Башкирского кантона [49; 50].

Истории формирования этнической группы ичкинских татар посвящен ряд работ Г. Х. Самигулова. Он рассматривает более ранний период истории становления деревень

Ичкиной и Сибиркиной в XVII—XVIII вв. [45—47]. Кроме того, в его работах анализируются особенности формирования и прослеживается история Башкиро-мещеряцкого войска [43]. В. Д. Пузанов исследовал военную службу нерегулярных войск, в том числе и на национальных окраинах Российской империи, взаимодействие мещеряков и башкир с русским населением и представителями Православной церкви [40; 41].

Названные выше научные работы дают лишь фрагментарную информацию о 3-м Башкирском кантоне. Исследования о жизни башкир и мещеряков 10-й, 11-й юрт не проводились.

Под руководством автора статьи в 2023 г. было проведено первичное исследование фондов Государственного архива г. Шадринска и выпущено две статьи [39; 48].

Цель исследования — выявление и анализ на основе документов Государственного архива г. Шадринска положения населения 10-й, 11-й юрт 3-го Башкирского кантона Шадринского уезда в 1803—1855 гг.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- рассмотреть структуру административного управления непосредственно в юртах;
- дать характеристику социально-экономическому положению башкир и мещеряков, проживавших в 10-й и 11-й юртах;
- раскрыть основные антиобщественные деяния мещеряков 10-й и 11-й юрт 3-го Башкирского кантона и наказания за них.

Основу документальной базы исследования составили неопубликованные источники из фондов Государственного архива г. Шадринска (ГАШ). В архивном путеводителе ГАШ документы, относящиеся к башкирским кантонам и юртам, объединены в один раздел. Материалы по социально-экономическому развитию региона сосредоточены в фонде 584 — документы мировых судей Шадринского уезда, а также кантонных начальников. В фонде 586 хранятся документы, адресованные старшинам юрт 10, 11. В фонде И-7 хранится информация о социально-экономическом положении населения Кызылбаевской волости, куда входили деревни 10-й юрты. В фонде 168 сосредоточены документы Ичкинской волости с 1850 по 1855 г. Таким образом, в своей совокупности источниковая база обеспечивает решение исследовательских задач и достижение цели работы.

В исследовании нами рассматривается период 1830—1855 гг., что обусловлено существованием 3-го Башкирского кантона, а также наличием документов в Государственном архиве г. Шадринска за этот период.

Результаты исследования

Башкирские кантоны были образованы на территориальном уездном, а не на родоплеменном принципе. В состав кантонов, как правило, полностью или частично входили волости [3, с. 24]. В Шадринском уезде юрты кантона располагались в Течинской, Балакатайской, Каратабынской, Улукатайской, Салзатской, Макотинской, Терсякской, Кызылбаевской волостях.

Национальный состав кантона определить трудно. Значительная часть мещеряков и служилых татар была включена в состав башкир. В ревизских сказках за 1811 г. деревень Махмутовой, Ирикбаевой, Тюляковой указаны «башкиры». В 1811 г. в ревизских сказках д. Сибиркиной, Терсюкской юрте (ныне д. Байрак) указаны «татары» [38]. В ревизских сказках 1850, 1859 гг. юрт 10, 11 в шапке таблиц указаны «мещеряки» и «башкиры из мещеряков» [27; 28; 31]. Исходя из данных ревизских сказок, мещеряцкое население проживало в 1-й, 2-й, 9—11-й юртах, башкирское — в 4-й, 6—8-й, смешанное — в 5-й [4]. В переписке с юртовыми старейшинами по отношению к адресатам глава кантона употребляет термин «башкиры», он же используется и в документах, приходивших из

Пермской губернии или управления войском. В ответных письмах старейшины 10-й и 11-й юрт практически всегда употребляют термин «мещеряки» [8].

Система кантонного управления менялась в зависимости от проводимой политики в Казахстане и Средней Азии, в частности, в отношении башкир и мещеряков. До середины XIX в. они были объединены в Башкиро-мещерякское войско, которое подчинялось наместнику, а позднее — военному губернатору края, но своего атамана и канцелярии не имело. Служители войска не получали вознаграждения, а территория их службы не была сплошной [3, с. 35].

Башкиро-мещерякское войско, состоявшее из 17 кантонов, было распределено по шести попечительствам. 3-й Башкирский кантон находился в первом попечительстве, его канцелярия располагалась в с. Курманово Шадринского уезда Пермской губернии. Основной функцией попечителей было наблюдение за хозяйственной деятельностью жителей вверенного им кантона. В «Путевых журналах» попечителей записывалась проделанная работа. Например, в ходе одной из поездок по 3-му Башкирскому кантону попечитель отмечал хорошее состояние домов у мещеряков 10-й и 11-й юрт.

В основные обязанности попечителей входили контроль за соблюдением очередности несения службы и проверка медицинского состояния башкирских подростков. Также они вмешивались в частную жизнь жителей кантонов [3, с. 36—41]. Картина, которую представляли попечителям по прибытии в кантон, не всегда отражала реальность. Так, перед их приездом в селения наводился порядок, высылались неблагонадежные люди. Иногда меры, применяемые кантонными начальниками, были настолько жестоки, что местное население подвергалось телесным наказаниям за любую провинность [3, с. 45—47].

Башкиро-мещерякским войском в исследуемый период командовали: С. Т. Циолковский (с декабря 1834 г.), Н. В. Балкашин (исполняющий обязанности, ноябрь 1840 — апрель 1845 г.; декабрь 1851 — май 1853 г., февраль 1854 — май 1858 г.), Г. В. Жуковский (1846—1849 гг.), Н. П. Беклемишев (апрель 1849 — декабрь 1850 г.), А. И. Середа (с апреля 1850 г.), И. А. Толстой (исполняющий обязанности с октября 1851 г.), А. А. Толмачев (исполняющий обязанности, май 1853 — февраль 1854 г.) [3].

В системе управления были стряпчие из гражданских чиновников, которые решали земельные споры как между башкирами и мещеряками, так и при взаимодействии с русским населением. Они назначались из числа русских чиновников и получали жалованье из денег, собранных с башкир. Их задача состояла в том, чтобы обеспечивать законность действий башкир, заслушивать решения судебных органов и выносить дело на рассмотрение высшей инстанции, если решение было неправильным [3, с. 47]. Расследование мелких правонарушений входило в функции кантонных начальников. Они расследовали дела бюрократическими и полицейско-административными методами, вызывая обвиняемых из дальних мест в штаб-квартиры. Жителям юрт 10, 11 было проблематично добраться до Курманово, так как село располагалось на расстоянии около 200 км от них.

Начальниками 3-го Башкирского кантона в исследуемый период были: Абдулвагап Тимяков (1809—1818 гг.), Давлетша Бикметьев (с 1818 г.), Мирхайдар Азаматов (до 1851 г.), Хазимухамет Хусеинов (1852—1856 гг.) [3; 49].

В руководство юртами входили сотские, десятские, старшина юрты и его помощники. Они выполняли указания кантонной и войсковой администрации, следили за состоянием противопожарной безопасности и проводили санитарные мероприятия по профилактике эпидемий среди населения и животных. Избирались на сельском сходе. Так, например, кантонным начальником было предписано, что старшины юрт 10, 11 могли побуждать к работам легким наказанием, а также отправлять в кантонное управление списки бездельников и недостойно ведущих себя в обществе [19, л. 65].

О должностях, занимаемых теми или иными людьми, имеются данные в ревизских сказках. В 10-й юрте в д. Ичкиной в 1816 г. проживал старшинский помощник А. Мунманов; в 11-й юрте в д. Кызылбаевой в 1816, 1834 гг. — помощник старшины К. Барнашев, юртовой старшина А. Сарметов [20, л. 1—79]; в 1834 г. в д. Кичигиной (Кырчиной) — сельский начальник М. Абдулкагиров, в 1859 г. — юртовой старейшина, урядник А. Нисмухаметов [20, л. 1—79]; в д. Терсюкской в 1816, 1834 гг. — старшинский помощник Г. Сафронов, в 1834 г. — походный сотник А. Кочкелдин, в 1859 г. — сельский начальник З. Абдулкаримов [20, л. 1—79].

В 1853 г. старшиной 10-й юрты был Хаметбашинев, 11-й — М. Байбулатов.

3-й Башкирский кантон подразделялся на 11 юрт. По данным 8-й ревизии (1834 г.), в кантоне проживало 14 234 башкира, они вели преимущественно полукочевой образ жизни. В 1846 г. численность населения кантона составляла 16 тыс. человек [3].

В фондах Государственного архива Шадринска сохранились ревизские сказки, на основе которых можно сделать вывод о численности населения юрт.

В д. Кызылбаевой (Тагилова тож) согласно ревизским сказкам в 1816 г. проживало 456 чел., в 1834 г. — 700, в 1850 г. — 860, в 1859 г. — 997 чел. В Кичигиной в 1816 г. — 84 чел., в 1850 г. — 124, в 1859 г. — 143 [20, л. 1—79]. Во второй по величине в составе 11-й юрты д. Терсюкской в 1834 г. проживало 614 чел., в 1850 г. — 799, в 1859 г. — 1000 чел. Таким образом, численность населения с 1816 по 1859 г. в юрте 11 увеличилась в 2 раза.

В д. Ичкиной в 1816 г. числилось 486 чел., в 1834 г. — 614, а в 1846 г. в ней проживало 811 чел., представителей духовенства — 3 чел. [7, л. 66, 67]. В 1849 г. здесь родилось 22 мужчины, 19 женщин; умерло 15 мужчин, 20 женщин. Заключено 15 браков, отмечены 4 развода [29, л. 11]. В 1850 г. в деревне насчитывалось 911 чел. В 1816 г. в д. Сибиркиной проживало 125 чел., в 1846 г. — 164 [7, л. 66, 67], в 1850 г. — 182 чел. [20, л. 1—79]. Таким образом, численность населения с 1816 по 1850 г. в юрте 10 увеличилась в 1,7 раза.

Основной задачей Башкиро-мещеряцкого войска являлась линейная служба. Участие воинов этого войска в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии стало предметом многих работ [3, с. 75]. Мещеряки 10-й, 11-й юрт несли этапную службу на Сибирском тракте в Камышловском, Кунгурском уездах, в Томской и Тобольской губерниях. Линейную службу несли в Усть-Уйской, Звериноголовской крепостях, на Новой линии в Троицке; караульную службу — при канцелярии командующего Башкиро-мещеряцким войском С. Т. Циолковского. Сопровождали продовольственные грузы в степи; были участниками усмирения неповинующихся мастеровых Кыштымского завода [3].

Единую форму одежды для частей Башкиро-мещеряцкого войска ввели в 1828 г. [44]. После присоединения значительной части Казахстана к Российской империи правительство стало постепенно переводить башкир и мещеряков в податное население. Согласно циркуляру 1842 г. из Башкирского войска было выделено население, для которого военная служба была заменена денежным сбором, в их число входил и 3-й Башкирский кантон [3, с. 65, 66].

В 1852 г. жителей кантона освободили от командирования на службу. В кантоне осталось невоинственное обмундирование, его необходимо было реализовать. Поэтому по юртам дали объявление о его продаже в с. Курманово [15, л. 16].

В период действия воинской обязанности в разные годы приходили объявления о розыске дезертиров, в том числе сбежавших по пути к месту дислокации [11, л. 47].

Сумма налогообложения была постоянной. Налоговый сбор должен был производиться с наличного числа душ в двух размерах — 1 и 3 руб. с души в два срока по рас-

поряжению военного совета: за первую половину года с 1 января по 1 марта — 50 коп. с души; за вторую половину года с 1 октября по 1 января — 1 руб. 50 коп. с души [10, л. 2 об.]. Суммой в 1 руб. облагались дети мужского пола от 17 до 20 лет, башкиры и мещеряки начиная с 20 лет, которые были освидетельствованы командующим и по болезни или увечью оказались неспособными заниматься домашним хозяйством; мужчины, достигшие 50 лет, вплоть до смерти [10, л. 4]. По 3 рубля платили мужчины 20—50 лет, кроме освобожденных от этой повинности [10, л. 32].

От уплаты объединенного налога освобождались действительные офицеры, классные чиновники, их помощники, указное духовенство, оспопрививатели, фельдшеры, врачи и писари. Таким образом, до разделения кантонов на две части большинство башкир и мещеряков несли линейную службу по охране юго-восточных границ империи. А башкиры прилинейных кантонов продолжали служить в армии вплоть до 1863 г.

В 1852 г. в 10-й юрте насчитывалось 900 ревизских душ, из них: чиновники — 2 чел., представители духовенства — 5, смотритель магазина — 1, присяжные — 2, исправник — 1. С юрты необходимо было собрать налогов в размере 818 руб. 99 коп. [15, л. 27].

На 1852 г. в 11-й юрте по данным ревизии проживало 577 чел. Из них: чиновник — 1, представители духовенства — 5, смотрители магазина — 3, оспопрививатель — 1. С оставшихся 567 душ следовало получить по 98 $\frac{1}{8}$ копейки серебром (всего 626 руб. 54 коп.) [16].

В соответствии с предписаниями Пермской Казенной палаты Шадринское уездное казначейство в 1853 г. взимало с домохозяев на земские повинности 14 $\frac{3}{4}$ копейки (на содержание земской полиции) [19, л. 24]. За метрические книги, которые велись в метечях (д. Ичкино, Сибиркино) в двух экземплярах, с населения взималось по $\frac{1}{4}$ коп., с вступающих в брак — по 8 $\frac{1}{4}$ коп. серебром за каждый брак [19, л. 34]. За первую половину 1853 г. в 11-й юрте должны были собрать за воинскую повинность по 1 руб. 3 $\frac{5}{8}$ коп. серебром с одной души (всего 587 руб. 54 $\frac{3}{4}$ коп.) [19, л. 34].

В 1846 г. в 10-й юрте (д. Терсюкская, Кызылбаева, Кичигина) насчитывалось ревизских душ 702, было избавлено от сбора 6 человек, требовалось собрать 160 руб. 8 коп. [8, л. 17].

Со сборщиками налогов нередко возникали проблемы. Так, фиксировались случаи растраты ими общественных денег. Поэтому было предписано выбирать сборщиков и отдатчиков из благонадежных людей [7, л. 51].

В 1847 г. жители кантона жаловались вышестоящему начальству на местных чиновников за то, что те берут взятки, проводят различные сборы, а также на вымогательство и другие служебные злоупотребления. Руководство войском поручило создать табель, в который следовало записывать все законные сборы с башкир. Эту информацию нужно было довести до жителей всех юрт [10, л. 38]. Табель был сделан для 1—3 Башкирских кантонов Пермской губернии. В нем были зафиксированы сборы: на общие земские повинности по губернии — 29 коп., на устройство зданий — 4 коп., на отправление оренбургской гоньбы — 23 коп. Взамен командирования на службу: с мужчин возрастом от 17 до 20 лет — 1 руб., со служащих от 20 до 50 лет — 3 руб., с мужчин 50 лет и старше и признанных неспособными по болезни к домашнему хозяйству — 1 руб. [10, л. 39 об.]. В фонде 168 — Ичкинская волость Государственного архива г. Шадринска имеются книги учета сдавших налоги, но, к сожалению, только за конец XIX в. В 1890-е гг. недоимок не было лишь у 9—10% дворов, у остальных были долги по налогам.

Таким образом, система налогообложения мещеряков и башкир состояла из двух частей: военной и гражданской. Злоупотребления местных властей потребовали вмеша-

тельства руководства, для фиксации и урегулирования сумм налогов пришлось ввести специальный табель.

Одним из видов повинностей как у русского, так и у башкирского населения были взносы на содержание и ремонт дорог. Для исполнения данной повинности с 1817 г. башкиры и мещеры платили денежный сбор 25 копеек. Помимо этого они выполняли данную повинность и в натуральном виде, т.е. физическим трудом — проводили строительные, разметочные, очистные работы, подсыпку грунта. В 1853 г. на работы по исправлению дорог из всех кантонов направили 162 361, в 1855 г. — 102 793 чел. В качестве уравнительной меры для этой повинности была введена денежная, так как нагрузка на кантоны в натуральном виде была разная [3, с. 101—105].

Башкиры и мещеры несли также подводную повинность, которая заключалась в предоставлении лошадей для земских сообщений и чиновников. Эта повинность была тяжелой, так как чиновники часто требовали лошадей без разрешения. При раскладке повинностей по юртам не учитывалась юрта 1, где находились все чиновники кантонного управления и население было задействовано в их обслуживании постоянно.

Одной из обязательных повинностей была почтовая. Она исполнялась в две смены — летом и зимой. Расписание составлялось в канцелярии военного губернатора. Мужчины, отправляемые в эти командировки, снаряжались всем сельским обществом, так как средств одной семьи на эти сборы не хватало. Командированные должны были находиться на станциях постоянно, в течение всего срока командировки, без возможности возвращения домой. При длительной командировке домашнее хозяйство могло прийти в запустение или понести значительные убытки. В 1828 г. военный губернатор разрешил башкирам передавать выполнение почтовой гоньбы наемщикам из казаков других войск. Для исполнения данной повинности башкиры отдавали казакам своих лошадей, упряжь, повозки [3].

В 1823 г. в юрты 10, 11 поступил приказ о том, что старшинам юрт Байбулатову (с 211 душ) и Барнашеву (с 519 душ) следует направить для земской подводной гоньбы в Екатеринбургский уезд на Белоярскую станцию людей с лошадьми для выполнения повинности [5, л. 2].

Для отправления почты в город Челябину из кантонной канцелярии с 1 января 1846 г. необходимо было поставить от 10-й юрты, где числилось 418 служащих и неслужащих казаков, 16 человек, которые должны были работать с 25 октября по 10 ноября (по установленной норме с 26 душ причиталась одна для исполнения почтовой повинности). От 11-й юрты, где было 248 служащих и неслужащих казаков, по той же норме получалось 9 ½ человека. Команда должна была работать с 10 ноября по 31 декабря [7, л. 106]. Также в расчет не бралась 1-я юрта, поскольку в ней находились постоянная квартира кантонного начальника, стряпчий, господин попечитель кантонов, земская полиция и прочие должностные лица, которым местные жители предоставляли подводы для служебных разъездов [7, л. 106]. Помимо этого башкиры и мещеры до 1834 г. платили мирские деньги на содержание писмоводителей и писарей, а также на канцелярские расходы. Для этой цели с каждой ревизской души полагалось брать по 4—6 коп. в год, но объем этого сбора кантонные начальники часто доводили до 20 коп. с души [15].

На почтовую гоньбу и воинскую повинность за вторую половину 1853 г. в юрте 11 было собрано по 1 руб. 35 коп. с 567 душ [19, л. 21]. В 1848 г. на отправление почтовой гоньбы платили 23 коп. серебром [9, л. 2].

Для доставки дров в кантонную канцелярию в 1846 г. с 10-й юрты было выделено 3, а с 11-й юрты — 2 человека [7, л. 106, 107].

В 1855 г. по приказу начальника кантона требовалось выделить на земскую гоньбу мещераков с лошадьми при Мехонской станции 3 человека с шестью лошадьми на 70 суток [22, л. 14].

С местного населения также взималась плата для составления ревизских сказок. Только в 1859 г. при проведении 10-й ревизии обществами башкир и мещераков было израсходовано на наем переписчиков и на гербовую бумагу более 25 тыс. руб. серебром, для чего собирали по 50 коп. с каждой души [26, л. 8]. Старшинам юрт 10, 11 предписывалось оказывать поддержку прибывавшим к ним в 1847 г. составителям карт (обеспечение жильем, продовольствием, средствами передвижения, при необходимости — проводниками) [11].

Военное состояние мещераков и башкир влияло на уклад их жизни. Правительство контролировало все общественные и хозяйственные процессы их бытования [30]. Одним из наиболее трудно воспринимаемых правил являлся запрет покидать место жительства без разрешения вышестоящего начальства. Первоначально был запрещен переход на место жительства в другие губернии. Особенно тяжело это сказывалось на населении, которое вело полукочевой образ жизни. Жители юрт 10, 11 вели оседлый образ жизни, но запрет на свободу передвижения отразился и на них. Им приходилось получать разрешения для отъезда на сезонные работы даже в другие юрты. Юртовый старшина мог отпустить в увольнение на 28 дней, увольнение на больший срок получали у кантонного начальника.

Разрешение на увольнение (билет) на близкое расстояние выдавалось на простой бумаге, на дальнее расстояние — на гербовой. Соответственно стоимость билета зависела от длительности командировки (от 50 коп. до 3 руб.). На более длительный срок выдавался паспорт, за него также платилась пошлина [3, с. 25—28].

Из-за высокой цены на бумагу «уходы без разрешения» были частыми, в итоге платные листы и паспорта на увольнение отменили. Выдавали билеты на простой бумаге. Однако не все жители кантона могли получить разрешение на увольнение. Башкиры и мещераки, состоящие на службе, под судом или следствием, не могли этого сделать [3, с. 25—28].

В 1858 г. в журнале записи выданных башкирам увольнительных на малое время из 13-й юрты (бывшей 11-й) зафиксировано 465, а из 12-й юрты (бывшей 10-й) — 810 билетов. Основной повод — отъезд в Шадринск с хлебом [24]. Кроме того, один человек выезжал обучаться татарской грамоте в Челябинский уезд [5]. Мужчинам билеты выдавались с указанием сопровождавших их членов семьи [25].

Для лиц, потерявших или просрочивших свои паспорта, предполагалось наказание. Через газету «Оренбургские губернские ведомости» местные власти разыскивали таких лиц наравне с самовольно отлучившимися с места жительства. Старшинам юрт из кантонного управления приходили письма о розыске таких лиц с указанием их примет, соответственно, если в юртах появлялись незнакомые люди, их задерживали до выяснения личности и сообщали в кантонное управление. Так, например, был получен рапорт о том, что мещерак д. Курмановой был уволен для обучения татарской грамоте, отправлен в Стерлитамакский уезд с выдачей билета от 15 марта 1852 г. сроком на 6 месяцев. Срок учебы закончился, но его не могли найти, в кантон он не явился. Дается его описание: рост 2 аршина 5 вершков, волосы и брови черные, глаза зеленые, 20 лет [15, л. 16].

За отлучки без разрешения юртовых и кантонных чиновников рядовые жители подвергались телесному наказанию до 25—30 ударов казацкой плетью или палками. «За такие и другие поступки были наказаны башкиры 3-го Башкирского кантона с 1799 по 1831 г. в следующем количестве: в юртах и командах Абдулвахита Бикметова — 78, Му-

хаметвали Бикметова — 45, Абдулхаира Уразымбетова — 32, Марзагулова — 122, Салиха Якупова — 31, Байбулатова — 30, Кагармана Барнашева — 51, Артыкова — 81, Аксулпана Нейбердина — 65, Зейнуллы Бурангулова — 86, Кагармана Бикметова — 59, Абдулменя Алишева — 27, Мухаметкарима Бикметова — 18, Абдулхалима Мансурова — 132, Канафии Зикеева — 97, Ильясова — 25, Акчувашева — 53, Утягула Сутукова — 26, Абдрахмана Резяпова — 91 человек» [3, с. 30]. Таким образом, только в 3-м Башкирском кантоне телесному наказанию было подвергнуто 1149 человек [3, с. 30].

Одним из строгих наказаний для башкир и мещеряков являлась высылка из мест проживания. Кроме того, за различные проступки они подвергались телесному наказанию. Чиновники удаляли из мест проживания людей за недостойное поведение по указам от 28 апреля 1808 г. и от 31 июля 1817 г. В составлении мирских приговоров об удалении участвовали только угодные власти. Поэтому зажиточные башкиры и мещеряки, а также чиновники не удалялись из села. В документах Государственного архива г. Шадринска встречается несколько решений об удалении из сельского общества того или иного лица. И, несмотря на многократные преступления против общества, некоторых иногда оставляли на поруки родственникам. Например, мещеряк М., ранее судимый за кражу 20 копен сена у крестьянина Маминской волости Екатеринбургского уезда Мосея Гусева, был наказан 40 ударами розог. Впоследствии он украл колеса с телеги и получил наказание 35 ударами розог [17]. Но его не удалили из сельского поселения, а оставили на поруки родителей и братьев [15]. Из сельского общества был выслан мещеряк А., но из-за болезни и старости он содержался при юртовом управлении вплоть до его выдворения, до особого распоряжения [21, л. 15]. В документах имеются донесения следующего рода: «содержащийся под стражей при кантонном правлении мещеряк Г. из д. Терсюкской, приговоренный к общественному удалению из нее, объявил, что имеет надобность в одежде и еде, поэтому просит увольнения и чтобы его сопровождали для получения им надобного» [21, л. 14].

Наиболее частым преступлением, упоминаемым в архивных документах, являлась кража лошадей и другого скота. В январе 1850 г. на ярмарке был украден жеребец с упряжью. В итоге его нашли проданным на завод [13, л. 1]. В 1853 г. старейшинам юрт 10, 11 делалось замечание о том, что на торжках и ярмарках Шадринского уезда мещеряки ведут себя плохо, пьянствуют, хулиганят и замечены в конокрадстве. Сообщалось, что человек купил лошадь на ярмарке у мещеряка, а она оказалась краденой, пришлось вернуть ее хозяину [18, л. 1].

Реже отмечались более тяжкие преступления — разбои и убийства. В 1852 г. три человека были приговорены за убийство жены крестьянина и ограбление, совершенное в юрте 11 [15, л. 20 об.].

В 1846 г. в письмах кантонного начальника, адресованных старшинам юрт 10, 11, рекомендовалось содержать заключенных строже, поскольку было много побегов из-под стражи [7, л. 9].

Местное население занималось сельским хозяйством — животноводством и земледелием. В юго-восточных кантонах еще с конца XVIII в. было принято решение создавать запасные магазины. Собранное в них зерно предназначалось для поддержания населения в случае неурожая. Так как у башкир и мещеряков преобладало скотоводство, они хлебным сбором не облагались. Но в дальнейшем указами от 14 апреля 1822 г. и 7 августа 1823 г. они наравне с другими сословиями вместо взносов натурой были обязаны платить по 25 коп. ассигн. с души. Такие сборы продолжались до 1834 г. Затем их заменили на взносы зерном и деньгами по 10 коп. Норма сбора зерна на одну душу населения составляла: хлеба озимого по 1 четверти (210 литров), ярового — по полчетверти и денег по

1 р. 60 коп. ассигн. (48 к. серебром). Ежегодный взнос хлеба с каждой души равнялся полчетвертику (14 литров) ржи или пшеницы и двум гарнцам (около 7 литров) овса или ячменя [3, с. 107—108].

В других земледельческих кантонах натуральную повинность денежной не заменяли. В них создали запасные хлебные магазины. К 1854 г. в них было собрано более 278 тыс. четвертей хлеба.

В южных кантонах было построено 187 новых хлебных магазинов. Строительство производилось за счет средств башкирских и мещеряцких обществ. Постройка одного магазина обходилась в 4—9 рублей ассигнациями с души [3, с. 107—108]. В 1847 г. попечитель майор Добрынский рассмотрел приговоры юрт 10, 11 на постройку дополнительного запасного магазина. Строительство было решено «поставить в натуре», а то, что не могло быть поставлено в натуре (гвозди, петли, замок), — купить. Жителям 10-й юрты необходимо было заплатить 13 руб. 20 коп. (по 20 копеек с души), а жителям 11-й юрты — 11 руб. 29 коп. (по 2 ½ копейки с души) [9, л. 10, 10а].

В этом же году смотрителям магазинов и зауряд-чиновникам предписывалось пресекать случаи воровства из магазина, а старшинам — следить за качеством сдаваемого зерна [10, л. 7, 8].

Из годового отчета старшины 11-й юрты за 1846 г. видно, что в запасном магазине находилось: хлебов озимых — 218 четвертей, 7 четвертин, 4 гарнца; хлебов яровых — 1241 четверть. Урожай 1846 г. составил: хлебов озимых — 837 четвертей, хлебов яровых — 4964 четверти. Употреблено было на новые посевы 256 четвертей, закрытыми оставались 5045 четвертей [7, л. 21].

Помимо зерна в общественный магазин сдавали деньги — по 1 коп. с копны (в 1846 г.) [8, л. 3].

В первой половине XIX в. башкирское население являлось оседлым и полукочевым. В 1846 г. из 439 583 человек насчитывалось 230 958 (52,5%) оседлых и 208 625 (47,5%) полукочевых. В 1827 г. в 3-м Башкирском кантоне числилось 16 тыс. человек, из которых 9683 (60,5%) были полукочевыми. В скотоводческо-земледельческом районе люди жили в 3, 5, 6, 7 и 9-м кантонах. Из-за уменьшения поголовья скота к середине XIX в. земледелие стало преобладать во 2, 4-м Западном и 8-м кантонах.

В скотоводческо-земледельческом районе (3, 4-й Загорный, 5, 6, 7-й и 9-й кантоны) лошадей было больше, чем где бы то ни было (более одной головы на душу). Размер наделной земли уменьшился из-за прироста населения и потери башкирами вотчинного права на землю. К 1857 г. число потерявших вотчинное право выросло до 135 тыс. человек. Башкир-скотоводов заставляли переходить на оседлость, что приводило к сокращению пастбищных угодий и, как следствие, поголовья скота.

Находясь на окраине кантона, в тесном соседстве с русским населением, жителям приходилось взаимодействовать с ним. Иногда возникали конфликты по поводу использования земель. Так, приказом по Оренбургскому корпусу крестьянам Могилевского сельского управления Мехонского волостного правления в 1853 г. запрещалось выпускать скот на мещеряцкие дачи [19, л. 67].

Для упорядочения движения скота, в частности лошадей, были заведены книги записей о выдаче свидетельств на шкуры, описание лошадей, которых планировали заколоть [14; 23, л. 6]. В юрте 11 в 1850 г. было выдано 248 свидетельств на кожу лошадей [12].

Воинское управление контролировало не только служебные дела, но и сельскохозяйственные: за посев в неустановленные сроки полагалось наказание [30]. В 1851 г. один из крестьян 10-й юрты начал сев без разрешения, за что подвергся телесному наказанию [30, л. 4].

Пермской государственной палатой имуществ было предписано запретить казенным крестьянам входить в имущественные отношения с башкирами и брать у них землю в аренду. Эти сделки были незаконными, поэтому землю с посевами могли забрать обратно, и тем самым причинить убытки казенным крестьянам. Башкиры, зная об этом, сами ездили по русским селениям и предлагали им землю в аренду, в свою очередь, казенные крестьяне, нуждавшиеся в земле, соглашались, а после посева башкиры отказывались от сделки, забирая при этом и хлеб, и сено [6, л. 14].

В 1852 г. начальник кантона издал предписание о начале покоса на своих участках. Проблема обеспечения скота фуражом стояла остро, так как зимой его падеж был значительным, поэтому этот процесс регулировался сверху. Лишь накосив достаточное количество сена для себя, башкиры могли передавать сенокосы другим по специальным билетам [19, л. 67].

За самовольную отдачу земли полагалось наказание. Так, мещеряк Токачев самовольно отдал земли крестьянину Мехонской волости Семену Разсохину, за что его наказали 30 ударами розог [19].

Прием новых жителей на поселение регулировался так же, как и у русских. В 1847 г. на общем сходе д. Терсюкской принимали семью из 16 человек из д. Тагиловой [10, л. 10].

В 1847 г. после длительных дождей старшинам юрт предписывалось проверить, не полегли ли посевы пшеницы и не заражена ли она ржавчиной. В юртах 10, 11 хлеб был в порядке [10, л. 27, 28].

Для стимулирования хлебопашества вышло предписание о награждении мещеряков и башкир похвальными листами [7, л. 1]. Управляющий 9-м кантоном донес командиру войска, что в д. Сабуровой отставной урядник Викмухаметов и башкирец Иргалин безвозмездно ссудили односельчанам, не имевшим семян, 500 и 450 пудов хлеба соответственно. Им была объявлена благодарность и озвучена по всему войску [7, л. 40].

Помимо лошадей разводили мелкий и крупный рогатый скот. В д. Ичкиной в 1846 г. насчитывалось 311 лошадей, 258 баранов, 310 голов крупного рогатого скота; в д. Сибиркиной — 119 лошадей, 50 баранов, 89 голов крупного рогатого скота [7, л. 66, 67]. В этих деревнях, стоящих на реках, также действовали мельницы.

В целях противопожарной безопасности старшинам предписывалось контролировать поджиг травы, который производили местные жители на полях и пастбищах [21, л. 7].

Поэтапный переход жителей неслужащих кантонов в ведомство государственных имуществ, по мнению командующего войском Жуковского, происходил без происшествий. Он отмечал, что необходимо начинать этот процесс с юрт и кантонов, находящихся в отдалении от Оренбурга. Таким населением были жители 10-й и 11-й юрт 3-го Башкирского кантона, расположенных на расстоянии более 200 км от кантонной штаб-квартиры. Проживая вдали от основной массы башкир, они, следовательно, не представляли серьезной угрозы для властей [3, с. 185].

Процесс перевода башкир и мещеряков в государственные крестьяне приводил к восстаниям и недовольствам, так как они опасались потерять вотчинные права на земли вследствие российской колонизации, а также нарушения других условий присоединения башкир к России. Отголоски этого сопротивления отмечались и в последующие годы, в том числе в 3-м кантоне, несмотря на его отдаленное положение от центра.

В 1847 г. вышло предписание кантонным начальникам не допускать отход башкир и мещеряков на заимки для сборищ, где нередко случались драки и буйства. Кантонным начальникам сообщалось, что такие сборища происходили в мещерском уезде 2-го башкирского кантона в д. Нуркеевой [10, л. 8]. Узнав об этом, пристав 2-го стана Лютер отправился в эту деревню для прекращения беспорядков и был встречен там буйствами со

стороны башкир. Его грубо оскорбили, изорвали одежду, едва не избили. Защищавшему Лютера старшине нанесли побои. В результате вышло предписание всем старшинам, в том числе 10-й и 11-й юрт, следить за тем, чтобы не было отхождений башкир [10, л. 24].

Заключение

Органы управления Башкиро-мещерякским войском располагались на значительном удалении от 3-го башкирского кантона, в том числе от 10-й и 11-й юрт. В Государственном архиве г. Шадринска сохранились лишь общие циркуляры, направляемые для всего войска, для всех кантонов. Часто подобные документы дублируются на татарском языке. Непосредственно жизни простых башкир и мещеряков касался попечитель, поскольку его квартира располагалась в самом кантоне. Из его путевых записей и распоряжений, отчетов, посылаемых из юрт, можно получить информацию о социально-экономическом и бытовом устройстве местных жителей. В переписке кантонного начальника и старшин содержится информация о сельскохозяйственных циклах, количестве урожая, состоянии продовольственных магазинов и т.д. Несмотря на то что юрты находились в отдалении от остального войска, наказанием преступников занимались военные чиновники, а не гражданские. Даже после замены воинской повинности денежным сбором остальной порядок жизни продолжали контролировать военные структуры.

Как и остальное население края, башкиры и татары несли дорожную повинность, которую распределяло кантонное начальство. Если русское население использовалось в основном для поддержания состояния мостов и дорог, то башкир и мещеряков помимо этого могли отправить и на строительство новых трактов. Наиболее обременительной являлась подводная повинность и почтовая гоньба, так как они отвлекали башкир и мещеряков от домашнего хозяйства и тем самым наносили большие убытки, поскольку в отличие от других слоев населения, задействованных в этом процессе, они не получали жалованья.

Помимо воинских повинностей, они несли и гражданские: должны были платить губернские и земские налоги, единовременные сборы на проведение переписи населения, содержание картографов и др. За исследуемый период в архиве сохранились лишь распоряжения о взыскании недоимок по налогам с местного населения, а за более поздний период — расчетные книги, где фиксировались уплаченные суммы и суммы недоимок. Недоимки, как правило, были в семьях, которым приходилось платить за трех и более человек. Если окладом облагался один человек, то он платил вовремя или имел незначительный долг.

Вмешательство в жизнь местного населения сказывалось и на свободе передвижения. Она была ограничена необходимостью получения разрешения. Уход с места жительства без разрешения карался телесными наказаниями. Информация о таких уходах и появлении бродяг в юртах 10, 11 встречается в отчетах старшин кантонному начальнику. Укрывательство таких нарушителей тоже наказывалось, о чем не единожды упоминается в документах.

Переход от полукочевого хозяйства к земледелию в документах юрт 10, 11 не прослеживается, здесь нет упоминаний о необходимости отгонять скот на пастбища. Территория проживания мещеряков этих юрт располагалась в лесистой местности. Они вели одинаковый с местным русским населением образ жизни, использовали трехпольный севооборот, выращивали те же зерновые культуры. Единственным отличием в скотоводстве являлось наличие большого количества лошадей в хозяйстве.

Экономическое взаимодействие между русским и мещерякским населением регулировалось как по военной, так и по гражданской линиям. Так как жители юрт 10, 11 жили в окружении русского населения, это взаимодействие было неизбежно. Мещерякам запре-

щалося отдавать свои земли в аренду государственным крестьянам, но они периодически нарушали это требование — сдавали землю под посевы или покосы, а затем аннулировали сделку, забирая при этом и землю, и урожай.

Удаленность от центра рассматриваемого кантона и юрт позволила правительству вывести жителей из военного положения и перевести в статус государственных крестьян. Это же отдаленное положение позволяло им не быть втянутыми в вооруженное сопротивление остальных башкир и мещеряков, хотя и здесь случались локальные формы выступлений, но не в тех масштабах, что в остальной части войска.

Список источников

1. Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа : Китап, 2006. 504 с.
2. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа : Китап, 2009. 744 с.
3. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798—1865 гг.). Уфа : Китап, 2005. 256 с.
4. Асылгузин Р. Р. О башкирах Терсютской и Кысылбаевской юрт: этническое происхождение и идентичность // Проблемы востоковедения. 2017. № 3 (77). С. 39—46.
5. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5.
7. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 12.
9. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 14.
10. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 15.
11. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 16.
12. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 22.
13. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 25.
14. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 28.
15. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 29.
16. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 31.
17. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 35.
18. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 37.
19. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 38.
20. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 39.
21. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 41.
22. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 43.
23. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 49.
24. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 51.
25. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 52.
26. ГАШ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 59.
27. ГАШ. Ф. И-71. Оп. 1. Д. 39.
28. ГАШ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 9.
29. ГАШ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1.
30. ГАШ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 2.
31. ГАШ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 15.
32. История башкирского народа = Башкорт халкының тарихы : в 7 т. / Рос. акад. наук, Уфимский науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит., Правительство Респ. Башкортостан, Акад. наук Респ. Башкортостан ; [гл. ред.: М. М. Кульшарипов]. М. : Наука, 2009—2012.
33. История Башкортостана : [учеб. пособие]. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 года / Н. А. Мажитов [и др.]. Уфа : Китап, 1993. 240 с.
34. Кильмаматов Р. Р. Проблема трансформации этнической идентичности служилых мишарей Южного Урала во второй половине XIX — начале XX в. // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 6. С. 1107—1111.
35. Кильмаматов Р. Р. Южноуральские мишари в национальной политике Российской империи в кантонный период // Общество: философия, история, культура. 2020. № 5 (73). С. 88—92. DOI: 10.24158/fik.2020.5.18.

36. Кильмаматов Р. Р., Шаяхметов Ф. Ф. Особенности хозяйственной деятельности служилых мишарей Южного Урала в XVII—XIX вв. // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 4. С. 667—671.
37. Кунафина И. Р. Судостроительство и судопроизводство у башкир в период кантонной системы управления // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4 (13). С. 43—53.
38. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 131.
39. Подкорытова С. В. Некоторые аспекты развития мукомольной промышленности в районе устья реки Миасс в середине XIX века // Земля Курганская: прошлое и настоящее : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Курганская область в истории России», 12 апреля 2023 г. / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Л. Авдеев. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. Вып. 23. С. 106—107.
40. Пузанов В. Д. Военная служба нерегулярных частей Российской империи в Сибири XVIII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (32). С. 61—67.
41. Пузанов В. Д. Проблема миссионерства Православной церкви в Сибири XVII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (46). С. 279—282.
42. Сайфуллина Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 20 с.
43. Самигулов Г. Х. Башкиро-мещеряцкое войско // Военная история Южного Урала. Челябинск : Общественный фонд «Южный Урал», 2023. С. 61—73.
44. Самигулов Г. Х. Изменения сословной группы «башкиры» в середине XVIII — начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. Т. 1, № 9. С. 34—45.
45. Самигулов Г. Х. Ичкинские татары: к истории формирования этнической группы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36 (327). С. 25—28.
46. Самигулов Г. Х. Ичкинские юрты: Новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф., Курган, 17—18 апр. 2014 г. / Курганский гос. ун-т, Омский филиал Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Курган : Курганский гос. ун-т, 2014. С. 92—97.
47. Самигулов Г. Х., Маслюженко Д. Н., Моисеев М. В. История Южного Урала : в 8 т. / Мин-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Юж.-Урал. гос. ун-т (нац. исслед. ун-т), Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Южно-Уральский филиал, рук. проекта Г. П. Вяткин. Т. 6. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 432 с.
48. Середкин А. А., Бельская Е. В. Социально-экономическое развитие третьего башкирского кантона в 1840—1850 гг. (по материалам государственного архива г. Шадринска) // Земля Курганская: прошлое и настоящее : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Курганская область в истории России», 12 апр. 2023 г. / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Л. Авдеев. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. Вып. 23. С. 116.
49. Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века / Рос. акад. наук, Уфим. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит. Уфа : [Б. и.], 2011. 163 с.
50. Тагирова Л. Ф. Структура управления Башкиро-мещеряцким войском в кантонную эпоху (1798—1865 гг.) / Рос. академия наук, Уфим. науч. центр. Уфа : [Б. и.], 2017. 152 с.

References

1. Asfandiyarov A. Z. *Bashkiriya posle vkhozhdeniya v sostav Rossii (vtoraya polovina XVI — pervaya polovina XIX v.)* [Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th — first half of the 19th century)]. Ufa, Kitap Publ., 2006. 504 p. (In Russian)
2. Asfandiyarov A. Z. *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nykh territorii* [History of villages and towns of Bashkortostan and adjacent territories]. Ufa, Kitap Publ., 2009. 744 p. (In Russian)
3. Asfandiyarov A. Z. *Kantonnoe upravlenie v Bashkirii (1798—1865 gg.)* [Cantonal administration in Bashkiria (1798—1865)]. Ufa, Kitap Publ., 2005. 256 p. (In Russian)
4. Asylguzhin R. R. O bashkirakh Tersyutskoi i Kysylbaevskoi yurt: etnicheskoe proiskhozhdenie i identichnost' [On Bashkirs from Tersyutsky and Kysylbaevsky yurts: The ethnic origin and identity]. *Problemy vostokovedeniya — The Problems of Oriental Studies*, 2017, no. 3 (77), pp. 39—46. (In Russian)
5. *Gosudarstvennyi arkhiv g. Shadrinska* [State Archives of Shadrinsk] (GASh). F. I-7. Op. 1. D. 1.
6. GASh. F. I-7. Op. 1. D. 5.
7. GASh. F. I-7. Op. 1. D. 11.
8. GASh. F. I-7. Op. 1. D. 12.
9. GASh. F. I-7. Op. 1. D. 14.
10. GASh. F. I-7. Op. 1. D. 15.
11. GASh. F. I-7. Op. 1. D. 16.
12. GASh. F. I-7. Op. 1. D. 22.

13. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 25.
14. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 28.
15. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 29.
16. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 31.
17. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 35.
18. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 37.
19. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 38.
20. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 39.
21. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 41.
22. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 43.
23. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 49.
24. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 51.
25. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 52.
26. GASH. F. I-7. Op. 1. D. 59.
27. GASH. F. I-71. Op. 1. D. 39.
28. GASH. F. 168. Op. 1. D. 9.
29. GASH. F. 584. Op. 1. D. 1.
30. GASH. F. 584. Op. 1. D. 2.
31. GASH. F. 584. Op. 1. D. 15.
32. *Istoriya bashkirskogo naroda = Bashkort khalkynyñ tarikhy: v 7 t.* [History of the Bashkir people. In 7 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2009—2012. (In Russian)
33. Mazhitov N. A. (et al.) *Istoriya Bashkortostana: (ucheb. posobie). Ch. 1: S drevneishikh vremen do 1917 goda* [History of Bashkortostan. (Textbook). Part 1: From ancient times to 1917]. Ufa, Kitap Publ., 1993. 240 p. (In Russian)
34. Kil'mamatov R. R. Problema transformatsii etnicheskoi identichnosti sluzhilykh misharei Yuzhnogo Urala vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Issue of ethnic identity transformation among the serving Mishars of the Southern Urals in the second half of the XIX — early XX century]. *Manuskript — Manuscript*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 1107—1111. (In Russian)
35. Kil'mamatov R. R. Yuzhnoural'skie mishari v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii v kantonnyi period [Mishars of the Southern Ural in the national policy of the Russian Empire during the canton's period]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura — Society: Philosophy, History, Culture*, 2020, no. 5 (73), pp. 88—92. DOI: 10.24158/fik.2020.5.18. (In Russian)
36. Kil'mamatov R. R., Shayakhmetov F. F. Osobennosti khozyaistvennoi deyatel'nosti sluzhilykh misharei Yuzhnogo Urala v XVII—XIX vv. [Features of economic activities undertaken by the serving Mishars of the Southern Urals in the XVII—XIX centuries]. *Manuskript — Manuscript*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 667—671. (In Russian)
37. Kunaifina I. R. Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo u bashkir v period kantonnoi sistemy upravleniya [The judicial system and legal proceedings among the Bashkirs during the period of the cantonal system of government]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava — Actual Problems of Russian Law*, 2009, no. 4 (13), pp. 43—53. (In Russian)
38. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan]. F. I-138. Op. 2. D. 131.
39. Podkorytova S. V. Nekotorye aspekty razvitiya mukomol'noi promyshlennosti v raione ust'ya reki Miass v seredine XIX veka [Some aspects of the development of the flour-milling industry in the area of the mouth of the Miass river in the middle of the 19th century]. *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. "Kurganskaya oblast' v istorii Rossii", 12 aprelya 2023 g.* [Kurgan Land: past and present. Proceed. of the All-Russia sci. and pract. conf. "Kurgan region in the history of Russia", Apr. 12, 2023]. Kurgan, Kurganskii gos. un-t Publ., 2023, is. 23, pp. 106—107. (In Russian)
40. Puzanov V. D. Voennaya sluzhba neregulyarnykh chastei Rossiiskoi imperii v Sibiri XVIII v. [Military service of irregular units of the Russian Empire in Siberia in the 18th century]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2016, no. 4 (32), pp. 61—67. (In Russian)
41. Puzanov V. D. Problema missionerstva Pravoslavnoi tserkvi v Sibiri XVII v. [The problem of Orthodox Church missionary in Siberia in the XVII century]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2020, no. 2 (46), pp. 279—282. (In Russian)
42. Saifullina L. F. *Kantonnye nachal'niki Bashkirii: natsional'naya regional'naya elita pervoi poloviny XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Canton chiefs of Bashkiria: national regional elite of the first half of the 19th century. Abstr. Cand. Dis.]. Samara, 2009. 20 p. (In Russian)

43. Samigulov G. Kh. Bashkiro-meshcheryakskoe voisko [Bashkir-Meshcheryak army]. *Voennaya istoriya Yuzhnogo Urala* [Military history of the Southern Urals]. Chelyabinsk, Obshchestvennyi fond "Yuzhnyi Ural" Publ., 2023, pp. 61—73. (In Russian)
44. Samigulov G. Kh. Izmeneniya soslovnoi gruppy "bashkiry" v seredine XVIII — nachale XX veka [Transformations of the estate group "Bashkirs" in the middle of the 18th — early 20th centuries AD]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2019, vol. 1, no. 9, pp. 34—45. (In Russian)
45. Samigulov G. Kh. Ichkinskie tatary: k istorii formirovaniya etnicheskoi gruppy [The Ichkin Tatars: on the history of the ethnic group formation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 36 (327), pp. 25—28. (In Russian)
46. Samigulov G. Kh. Ichkinskie yurty: Novye materialy k istorii tyurkskogo naseleniya Zaural'ya [Ichkin yurts: New materials on the history of the Turkic population of the Trans-Urals]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri: materialy II Vseros. nauch. konf., Kurgan, 17—18 apr. 2014 g.* [History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Proceed. of the II All-Russia sci. conf., Kurgan, Apr. 17—18, 2014]. Kurgan, Kurganskii gos. un-t Publ., 2014, pp. 92—97. (In Russian)
47. Samigulov G. Kh., Maslyuzhenko D. N., Moiseev M. V. *Istoriya Yuzhnogo Urala: v 8 t. T. 6* [History of the Southern Urals. In 8 volumes. Vol. 6]. Chelyabinsk, Izdat. tsentr YuUrGU Publ., 2019. 432 p. (In Russian)
48. Seredkin A. A., Bel'skaya E. V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie tret'ego bashkirskogo kantona v 1840—1850 gg. (po materialam gosudarstvennogo arkhiva g. Shadrinska) [Socio-economic development of the third Bashkir canton in 1840—1850 (based on materials from the state archive of the city of Shadrinsk)]. *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. "Kurganskaya oblast' v istorii Rossii", 12 apr. 2023 g.* [Kurgan Land: past and present. Proceed. of the All-Russia sci.-pract. conf. "Kurgan region in the history of Russia", Apr. 12, 2023]. Kurgan, Kurganskogo gos. un-t Publ., 2023, is. 23, pp. 116. (In Russian)
49. Tagirova L. F. *Kantonnye nachal'niki Bashkirii: natsional'naya regional'naya elita pervoi poloviny XIX veka* [Canton chiefs of Bashkiria: national regional elite of the first half of the 19th century]. Ufa, 2011. 163 p. (In Russian)
50. Tagirova L. F. *Struktura upravleniya Bashkiro-meshcheryakskim voiskom v kantonnuyu epokhu (1798—1865 gg.)* [The structure of the Bashkir-Meshcheryak army in the canton era (1798—1865)]. Ufa, 2017. 152 p. (In Russian)

Информация об авторе

С. В. Подкорытова — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

S. V. Podkorytova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024;
accepted for publication 20.02.2025